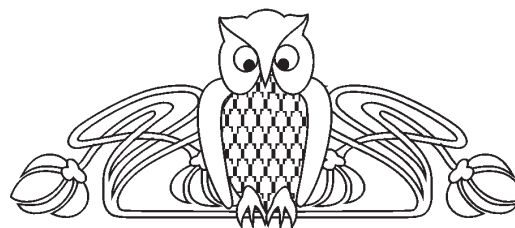

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 203–207
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 203–207

Научная статья
УДК 821.512.133.09-31+929Чулпан
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-203-207>

Влияние русской литературы на творчество Чулпана: роман «Ночь и день»

Г. А. Асилова

Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, Узбекистан, 100100, г. Ташкент, ул. Юсуфа Хос Ходжиба, д. 103

Асилова Гулшан Асадовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры узбекского языка, gulshanasilova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8462-7120>

Аннотация. Роман «Ночь и день» впервые был опубликован в журнале «Советская литература» в 1934 г., но вскоре был запрещен. В 1989 г. вышел русский перевод романа. Влияние школы русской романистики проявляется в конфликте, композиции, образной системе произведения. В статье роман «Ночь и день» раскрывается с точки зрения литературных влияний на автора. При анализе идейного замысла, сюжетной линии, драматических эпизодов произведения приводятся аналогии из классической русской литературы.

Ключевые слова: Абдулхамид Чулпан, узбекский роман, «Ночь и день», джадидизм, социально-психологический роман, русская литература

Для цитирования: Асилова Г. А. Влияние русской литературы на творчество Чулпана: роман «Ночь и день» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 203–207. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-203-207>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-203-207>

The influence of the Russian literature on Chulpan's oeuvre: Novel *Night and Day*

G. A. Asilova

Tashkent State University of Uzbek Language and Literature, 103 Yusuf Khos Khojib St., Tashkent 100100, Uzbekistan

Gulshan A. Asilova, gulshanasilova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8462-7120>

Abstract. The novel *Night and Day* was initially published in the journal *Sovetskaya Literatura* (Soviet Literature) in 1934, but was soon banned. In 1989 the Russian translation of the novel was published. The influence of the Russian novel writing school is manifested in the conflict, composition and imagery of the work. In this article, the novel *Night and Day* is reviewed from the point of view of literary influences on the author. While analyzing the ideological concept, storyline and dramatic episodes of the novel, the author gives some analogies from the classical Russian literature.

Keywords: Abdulhamid Chulpan, Uzbek novel, *Night and Day*, Jadidism, social and psychological novel, Russian literature

For citation: Asilova G. A. The influence of the Russian literature on Chulpan's oeuvre: Novel *Night and Day*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 203–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-203-207>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Поэт, прозаик, драматург, публицист, литературный критик, переводчик Абдулхамид Сулейман Чулпан (1898–1938) родился в узбекском городе Андижане в просвещенной семье. Абдулхамид получил сначала религиозное, затем светское образование, прекрасно владел русским языком. Идеи джадидизма, овладевшие умами интеллигенции Туркестана в конце XIX в., нашли свое отражение в ранних произведениях

Чулпана. Пробуя себя в различных жанрах, писатель через героев своих произведений старается передать сформированное к тому периоду новое мировоззрение джадидов. Но поскольку основная масса народа не имела образования, идеи джадидского течения проникали в массы в основном через театральные постановки¹.

Расцвет творчества Чулпана приходится на 1930-е гг. Но казнь сорокалетнего писателя и после-

дующее за ним забвение на долгое время вычеркнули его имя из литературы. По воспоминаниям известного литературного критика О. Шарафиддинова, в послевоенные годы самыми популярными среди читателей были романы репрессированных Абдуллы Кадыри и Чулпана «Минувшие дни», «Скорпион из алтаря», «Ночь и день», эти книги тайно переходили из рук в руки².

На сегодняшний день наблюдается повышенный интерес к наследию Чулпана, изучаются архивные документы и проводятся исследования. В то же время необходимо отметить, что вопросы общественной деятельности и творческого пути писателя практически не раскрыты³. Проведение исследований усложняется еще и тем, что документы, имеющие непосредственное отношение к туркестанской ветви джадидского движения, рассеяны по всему миру.

В литературном наследии Чулпана особое место занимает роман «Ночь и день», который считается первым социально-психологическим романом в узбекской литературе. Действие происходит в одной из волостей колониального Туркестана в период заката Российской империи. Роман был задуман как диалогия, и это было заявлено не только самим автором, но и отмечено в архивных документах 30-х гг. XX в. его соратником С. Хусайни⁴, который утверждал, что Чулпан успел завершить его вторую часть. Предполагательно, в части «День» писатель должен был изобразить светлую жизнь и торжество Советской власти. Возможно, подобный лейтмотив мог бы спасти его от казни. Но по прошествии десятилетий вторая часть так и не была найдена, и это породило сомнения относительно ее существования. По мнению М. Кушжонов, Чулпан не мог в продолжении мрачного сюжета о жизни колониального Туркестана изобразить молодую большевистскую власть в оптимистических красках⁵. Говоря о бунтарском духе писателя, который не признал бы новую власть так скоро, ученый считает роман завершенным произведением. Аналогичного мнения придерживается Н. Каримов, утверждая, что главная идея писателя нашла завершение в первой книге, и это дает основание считать роман законченным⁶. К. Форт, переводчик произведений Чулпана на английский язык, также предполагает, что вторая часть произведения не была запланирована. Он указывает на символы недосказанности в произведениях Чулпана, что не позволило писателю поставить точку в романе, а такая характерная особенность сюжета соответствовала его эстетическому замыслу⁷. Д. Куронов опровергает вышеперечисленные мнения, опираясь на ряд архивных документов. В своих работах он настойчиво называет роман «Ночь». В сюжете романа и в действиях персонажей отражены мрачные реалии жизни Туркестанского края в период нравственного упадка, духовной деградации, что ассоциируется с ночью. Ученый приводит цитату из последнего

выступления Чулпана в номере газеты «Красный Узбекистан» от 18 июня 1937 г., посвященного М. Горькому, и этим подчеркивает, что творчество пролетарского писателя оказало сильное влияние на его романы⁸. Опираясь на эти данные, он предполагает, что к моменту опубликования вышеуказанной статьи Чулпан закончил свой второй роман под названием «День». Развивая эту мысль, он выдвигает свою версию о дальнейшей судьбе Мирякуба, который должен был расти под влиянием джадидов и занять место в ряду таких героев русской литературы, как Клим Самгин и Григорий Мелехов⁹.

По хронологии «Ночь и день» появляется в узбекской литературе после романов Абдуллы Кадыри и Садриддина Айни. Сопоставляя «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри с романом Чулпана, Д. Куронов отмечает, что в последнем раскрывается не цепь событий, а характер личности, душевные перипетии, происходящие в ней. В этом он видит особый вклад писателя в развитие узбекской романистики¹⁰. К тому времени, когда Чулпан «созрел» для создания своего произведения, как в западной, так и в русской романистике довольно успешно проводились исследования человеческой души, демонстрирующие возможности пера в раскрытии психологии личности. Чулпан впервые использовал эти методы в узбекской прозе. Успех романа «Ночь и день» объясняется тем, что Чулпан как переводчик произведений известных советских и зарубежных писателей воспользовался их лучшими достижениями и художественным опытом¹¹. Заметим, что многочисленные аналогии с произведениями русской литературы, проглядывающиеся в сюжетной линии и образах-характерах, не являются случайными.

Как известно, в начале 1930-х гг. Чулпан перевел на узбекский язык роман «Мать» и пьесу «Егор Булычев и другие» М. Горького, повесть «Дубровский» и драму «Борис Годунов» А. С. Пушкина, а также ряд произведений зарубежной литературы. Большой поклонник русской литературы, культуры, театра, спутницей жизни Чулпан выбрал Екатерину, русскую по происхождению. Очевидно, что и пик его творчества пришелся на период, когда он из-за гонений на родине был вынужден жить в Москве. Эпиграфом к первому изданию романа была выбрана цитата М. Горького: «Просвещение формируется через сравнение, а у нашей молодежи нет возможности сравнить увиденное ни с чем, она не знает прошлого и поэтому не может в полной мере понимать суть настоящего»¹². Ведь роман отражает недалекое прошлое, которое должно знать молодое поколение, растущее при новой власти. Еще в 1926 г. Абдулла Кадыри в предисловии к роману «Минувшие дни» писал: «Благое это дело, когда, приступая к новому, оглядываешься на прошлое, гласит народная мудрость. Памятуя об этом, я решил посвятить свое

повествование прошлому, недавно минувшим дням, самым кровавым, грязным и темным дням истории нашей – “времени последних ханов”¹³. Выбор Чулпаном для эпиграфа вышеупомянутой цитаты М. Горького вполне понятен – роман был опубликован в журнале «Советская литература». Однако во всех последующих изданиях эпиграф поменяли на узбекскую поговорку о Хамале (начало весны)¹⁴.

Размышляя о литературном влиянии на Чулпана, З. Касымова отмечает его интерес к творчеству М. Арцыбашева – любимого писателя героини романа Марии Астровой. Судя по приведенным параллелям, касающимся «телесной» темы в двух романах, писателя привлекает конфликт между телом человека и его душой¹⁵. С. Мамажонову роман видится произведением, состоящим из самостоятельных, но взаимодействующих сцен, вследствие чего драматизм в нем преобладает над повествованием¹⁶. Причиной тому является влияние драматургического опыта писателя. Особенно яркими и экспрессивными являются сцены, где характер персонажей раскрывается неожиданным образом. Это привело к различным толкованиям относительно главных героев романа.

Существуют мнения, что главной героиней романа является Зеби¹⁷. Однако с этим трудно согласиться, поскольку Зеби нам видится одной из ключевых фигур, но не единственной. На наш взгляд, ни одного из персонажей нельзя выделить как «главного героя», так как сюжетные линии и основная идея романа концентрируются вокруг Зеби, Мирякуба и Шарафутдина Ходжаева. В ранних исследованиях романа отмечено, что история Зеби выдвигает на передний план тему о правах женщины, которая испокон веков была актуальной на Востоке¹⁸. Это ярко выражено в первых главах, где через Зеби раскрываются персонажи, связанные с ней. Чулпан изобразил свою юную героиню с такой же нежностью, как Толстой нарисовал Наташу Ростову. Трагедия, случившаяся с Зеби, привела ее на скамью подсудимых. В сцене суда над Зеби писатель выплескивает всю палитру своих чувств и эмоций, противопоставляя простодушие и беззащитность молодой девушки хитрости и коварству слуг закона. Здесь можно увидеть влияние на автора толстовского величия и гоголевского сарказма одновременно. Проводя аналогию с романом «Воскресение» Л. Толстого, заметим сходство сцен судебных заседаний над Катериной Масловой и Зеби. Тот же страх, бессилие неграмотной женщины перед всемогущим судом, состоящим из невежественных и безнравственных людей, злоупотребляющих правом судить человека, не желая вникать в саму трагедию, не стараясь понять и увидеть ее истинные причины. Судебный протокол описан автором с едкой иронией. «Если говорить по справедливости, то надо признать, что протоколы были написаны

прекрасным почерком. Как будто паровоз тащит за собой букетки. А такие, как “д” и “б” – это настоящий паровозный дымок! Не протоколы, а железная дорога!» Стремительное начало заседания выездного состава краевого суда и его течение усиливают драматизм сцены. Сначала перед нами вырисовывается переводчик: «Переводчик был не из тех служебных лис, пасущихся в суде, а из новых, которого никто не знал. Говорят, он был почтовым работником, несмотря на местное происхождение...»¹⁹. Писатель открыто насмехается над судом, выбравшим для пущей «справедливости» местного переводчика.

Не менее мастерски изобразил автор адвоката Зеби: «Но вот адвокат был человек совсем из другого мира! Он был из военных господ. Говорят, некогда он проворовался где-то на окраине Туркестана. Крал будто бы из государственной казны. И по закону его следовало бы отправить на каторгу. Но поскольку жил он в весьма жаркой стране, над ним вздымалась тенистая сень его опекунов. И они не дали ему пропасть. В их тени он лишился лишь воинских почестей, а затем, как лицо сугубо гражданское, выбрал себе высылку из одного конца солнечного края в другой, где и устроился по опыту своей деятельности адвокатом. И впрямь, чего стоит дурачить людей человеку, одурачившему целое государство?»²⁰. Едкий сарказм автора в описании судебного заседания напоминает гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», переведенную им на узбекский язык. Приведем отрывок из сцены встречи двух поссорившихся друзей у Гоголя: «Нет!.. не могу!.. Дайте мне другое перо! Перо мое вяло, мертво, с тонким расщепом для этой картины!.. Все стихло! Это была картина, достойная кисти великого художника!»²¹. Что касается писателя, здесь тоже автор не жалеет колких выражений: «...писарь нередко путался в обозначении местных имен, а именно Акбарали в одном случае идет у него как Умарали, в другом как Амироглы, и наконец, даже как Камбар-вали... А впрочем, какое это имеет значение? Что требовать от пера, если язык не выговаривает этих имен? Не все ли равно, Акбар или Камбар? Имя-то туземное!»²².

И у Толстого в «Воскресенье», и у Чулпана в его романе дана подробная характеристика судебных документов; обе героини обвиняются в отравлении ядом, о чем сами не знали; обеих героинь ссылают в Сибирь; свидетели дают показания только против обвиняемых и т.д. Сопоставление речей прокуроров в сценах суда показывает, что оба прокурора называют обвиняемых опасными для общества²³. Очень похожи также характеристики жертв преступления устами обвинителей. Прокурор в своем выступлении, говоря о мингбаши, пытается возвысить жертву бытового преступления до национального героя: «Убитый был известен своей верностью Россий-

скому государству и царю. Его ненавидели “молодые сарты”, особенно те элементы, которые идейно связаны с нашим врагом – Турцией»²⁴. Судебная характеристика Смелькова: «Купец Смельков, по определению товарища прокурора, был тип могучего нетронутого русского человека с его широкой натурой, который вследствие своей доверчивости и великодушия пал жертвою глубоко развращенных личностей, во власть которых он попал»²⁵. Отличаются же они тем, что у Чулпана судебный процесс олицетворяет политическую обстановку в колониальном Туркестане.

Еще одну аналогию с романом «Воскресенье» можно увидеть в истории Мирякуба и Марии Астровой. Вызволнение Марии из публичного дома отождествляется с аналогичными сюжетными линиями из романа «Воскресение» Л. Толстого, повести «Яма» А. Куприна. В первом случае героя приводит к этому чувство вины, во втором – гуманистические взгляды²⁶. В сцене, изображающей внутренний конфликт Мирякуба с самим собой, впервые в узбекской реалистической литературе использован метод самоанализа, и в этом отмечено влияние романа «Воскресение»²⁷: «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один – духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой – животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира»²⁸. Как и в Нехлюдове, в Мирякубе тоже живут два антипода. На наш взгляд, в эволюции сознания Мирякуба заметно влияние романа «Мать» М. Горького. Как и Павел Власов, который должен был вступить на путь революции, Мирякуб идет по новому пути, проявив интерес к политике. Здесь же писатель раскрывает новые черты своего героя посредством дневников Марии. Это своего рода прием психологического изображения героя, как в «Герое нашего времени» М. Лермонтова, в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя. Необходимо отметить, что данный прием также используется Чулпаном впервые в узбекской прозе.

В сцене знакомства Мирякуба с джадидом Чулпан устранился как автор и передает «бразды правления» своему герою. Почему он так поступил? В 30-е гг., когда началась волна репрессий, было бы очень опасно изображать героя-джадида от имени автора. Этим объясняется переход к диалогу между Ходжаевым и Мирякубом. Автор вынужден был наблюдать за политической беседой своих героев «со стороны». Но даже его нейтральное отношение к Ходжаеву можно расценивать как творческий подвиг, так как впоследствии это явилось одной из причин причисления писателя к «врагам народа».

Роман «Ночь и день» остается одним из самых востребованных произведений среди узбекских читателей разных возрастов. На

сегодняшний день он переводится на разные языки, что говорит о неугасающем интересе к джадидской литературе. При заметном влиянии на него лучших традиций мировой, в особенности русской, литературы в романе ярко отражены жизнь и устои колониального Туркестана. Герои воплощают в себе все черты представителей разных сословий того времени. Идеи джадидского движения, подавленного в 30-е гг. XX в., вызывают особый интерес у современного читателя. Это привлекает к произведению большой интерес не только литературоведов, но и историков.

В заключение приведем наблюдение Н. Владимировой о творчестве писателя: «Размышления Чулпана над судьбой человека, чья жизнь подвластна то демоническому влиянию власти, то безудержному хаосу природной стихии, безусловно, подсказаны реалиями современной ему жизни. Писатель избегает здесь двух опасностей: ничем не оправданного розового оптимизма, который так поощрялся тогдашней политизированной литературой, и безнадежной “мировой” скорби. Ведь его герой, находящийся на распутье, не отчаивается, не теряет надежды. Вера в торжество человечности не покидает ни героя, ни автора»²⁹.

Примечания

- 1 См.: Брежнева С. Передовая культура джадидов в Средней Азии в начале XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 10 (92). С. 50–55.
- 2 См.: Шарафиддинов О. Чўлпонни англаш. URL: <http://www.e-adabiyot.uz/kitoblar/maqolalar/158-cholpon.html> (дата обращения: 20.12.2020).
- 3 См.: Ирзаев Б. Биз билган ва билмаган Чўлпон // Чўлпон ижоди ва замонавий адабий жараён. Тошкент: MASHNUR-PRESS, 2019. С. 215–240.
- 4 См.: Куронов Д. Чўлпон насри поэтикаси. Тошкент: Шарк, 2004. С. 146.
- 5 См.: Кушжонов М. «Кеча ва кундуз» романида образлар тизмаси // Ўзбек тили ва адабиёти. 1992. № 3–4. С. 8–12.
- 6 См.: Каримов Н. Чўлпон: маърифий роман. Тошкент: Шарк, 2003. С. 410.
- 7 См.: Форт К. «Кеча ва кундуз»нинг «Кундуз»и ёзилмаган. URL: <https://daryo.uz/k/2019/09/06/> (дата обращения: 20.12.2020).
- 8 См.: Куронов Д. Чўлпон насри поэтикаси. С. 98.
- 9 Там же. С. 193.
- 10 Там же. С. 156.
- 11 См.: Каримов Н. Cho'lpón: Ma'rifiy roman. Toshkent: Sharq, 2003. С. 79.
- 12 Куронов Д. Кеча поэтикасининг ўзига хослиги хақида. URL: <http://uz.denometr.com/docs/768/index-281236-1.html?page=5> (дата обращения: 24.12.2020).
- 13 Кадыри А. Минувшие дни / пер. с узб. М. Сафарова. Ташкент: Шарк, 2009. С. 21.

- ¹⁴ См.: *Чулпон*. Яна олдим созимни. Тошкент : Ф. Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1991. С. 21.
- ¹⁵ См.: *Касымова З.* Об одном литературном влиянии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 4 (82). С. 166–169.
- ¹⁶ См.: *Мамажонов С.* Чўлпоннинг насрий ижоди // Ўзбек тили ва адабиёти. 1991. № 6. С. 10–12.
- ¹⁷ См.: *Лутфиддинова Х.* Зеби, Зебона... Тошкент : Ўзбекистон, 1993. С. 12.
- ¹⁸ См.: *Шарафиддинов О.* Мустафо Чўкай, Чўлпон, От-ажон Ҳошим. Тошкент : Шарқ, 1993. С. 124.
- ¹⁹ *Чулпан*. Ночь и день / пер. с узб. Х. Исмаилова // Звезда Востока. 1989. № 10. С. 65.
- ²⁰ Там же. С. 66.
- ²¹ *Гоголь Н. В.* Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1987. С. 197.
- ²² *Чулпан*. Указ. соч. С. 66.
- ²³ См.: *Куронов Д.* Чўлпон насри поэтикаси. Тошкент : Шарқ, 2004. С. 234.
- ²⁴ *Чулпан*. Указ. соч. С. 77.
- ²⁵ *Толстой Л.* Воскресенье. Роман. М. : Художественная литература, 1984. С. 73.
- ²⁶ См.: *Куронов Д.* Чўлпон насри поэтикаси. С. 171.
- ²⁷ Там же. С. 175.
- ²⁸ *Толстой Л.* Указ. соч. С. 53.
- ²⁹ *Владимирова Н.* Возвращение «Клеопатры» // Правда Востока. 1992. 7 апр. С. 3.

Поступила в редакцию 05.02.2021, после рецензирования 08.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 05.02.2021, revised 08.02.2021, accepted 10.02.2021